

Алексей Будищев

Тень

Алексей Николаевич Будищев

Тень

Аннотация

«Тальников придержал лошадь. Ночь была темная, а Тальников близорук и, кроме того, плохо сидит в седле; он даже слегка оробел и ласково затпрукал на лошадь. Дорога сбегала под изволок, круто опускалась в овраг, переходила узенький на курьих ножках мостик, загибалась затем направо и, пробираясь между густыми порослями лозняка, входила в сельскую околицу. Лошадь осторожно спускалась к мостику, садясь на задние ноги и помахивая головою, а Андрей Егорыч держал повод обеими руками и думал: „Споткнется лошадь, упадешь на землю, стукнешься головою о камень или еще обо что-нибудь там, и говори капут! Ноги протянешь, и поминай, как звали!“...»

Алексей Будищев

Тень

Тальников придержал лошадь. Ночь была темная, а Тальников близорук и, кроме того, плохо сидит в седле; он даже слегка оробел и ласково затпрукал на лошадь. Дорога сбегала под изволок, круто опускалась в овраг, переходила узенький на курьих ножках мостик, загибалась затем направо и, пробираясь между густыми порослями лозняка, входила в сельскую околицу. Лошадь осторожно спускалась к мостику, садясь на задние ноги и помахивая головою, а Андрей Егорыч держал повод обеими руками и думал: «Споткнется лошадь, упадешь на землю, стукнешься головою о камень или еще обо что-нибудь там, и говори капут! Ноги протянешь, и поминай, как звали!»

Лошадь уже застучала копытами по мосту, опасность миновала, а Тальников все еще думал: «Вот и Иван Петрович жил, жил да помер. Вскрикнул, упал, и готово! Разрыв сердца или там Бог знает что. Нет, положительно не надо ездить верхом. Доктора советуют, „здорово“ говорят, но от такого здоровья как раз ноги протянешь. Вот и Иван Петрович и верхом ездил и даже дрова колот, а вскрикнул, и готово. На той неделе и в землю опустили». Андрей Егорыч остановил лошадь и внезапно для самого себя подумал почти вслух, так что даже усы у него шевельнулись:

– Однако же какой я подлец! Не прошла и неделя, как Иван Петрович зарыт, а я от Елены Павловны еду... – Тальников сердито толкнул лошадь каблуками, но сообразив, что она может рассердиться и понести, тотчас же ласково затпругал и подумал: «Положим, я с Еленой Павловной не первый год; в ноябре три года будет, и Иван Петрович ничего не знал об этом, но все-таки как-то совестно: на время прекратить надо бы, пока, так сказать, его прах...» Андрей Егорыч закурил папиросу, невольно морщась.

«Прекращу, окончательно прекращу на время, – думал он затем с тою же кислой гримасой. – Все-таки Иван Петрович мой друг, однокашник и сослуживец. Вместе учились и в одном ведомстве служили. Что ни говорите, а это что-нибудь да значит! Непременно надо прекратить на время, пока, так сказать, его прах...»

Лошадь шла уже между порослями лозняка и пофыркивала. Было сыро; трава казалась седою от росы, и от влажных кустов лозняка подымался легкий пар. Андрей Егорыч пощипывал бородку и о чем-то думал. Андрей Егорыч Тальников худенький и бледный блондин лет 35-ти, мнительный и отчасти желчный. Он служит в Петербурге по министерству финансов и месяца на два ежегодно приезжает летом в свое имение при селе Ворошилове, где расположено и имение его сослуживца Ивана Петровича Брусницына, неделю тому назад умершего. В настоящую минуту Андрей Егорыч возвращался именно от вдовы покойного Еле-

ны Павловны, в которую он влюблен по его счету вот уже около трех лет.

Между тем Тальников теперь уже думал: «А почему я знаю, однако, что Иван Петрович не догадывался о моих отношениях к Елене вот именно Павловне? Может быть, он и знал, может быть, он даже прекрасно знал, и только хитрил, прикидывался ничего не знающим и выжидал?» Тут внезапно Андрею Егорычу захотелось чихнуть, но он почесал нос и решил воздержаться во чтобы то ни стало. «Когда думают о чем-нибудь и чихают, – сказал он самому себе мысленно, – то это значит, что предполагаемое справедливо. Это предубеждения, но все-таки»... и Тальников вздрогнула Впереди него в кустах около самой дороги действительно кто-то чихнул. Андрей Егорыч даже остановил лошадь от этой неожиданности и стал вглядываться вперед, щуря близорукие глаза. Наконец он рассмотрел, чихавший, так сказать, предмет, тронул лошадь и поморщился с недовольной гримасой. Между кустами лозняка пробиралась, мягко ступая, кошка. Она-то, вероятно, и чихнула в ответ на мысли Андрея Егорыча. Кошка посмотрела на Тальникова, ехидно сверкнула желтыми глазами, как бы говоря: «А все-таки я тебя испугала!» и скрылась в кустах. А Андрей Егорыч подумал: «Боже мой, Боже мой, что это за мучение! У меня даже сердце перестало биться»... и он двинулся вперед, крепко держась за повод.

Кругом было тихо; тёмные тучи заволакивали небо все

больше и больше; становилось темнее; лошадь, казалось, осторожнее ступала ногами, и её шаги как-то странно звучали среди невозмутимой тишины, пугая воображение Андрея Егорыча. «Елена Павловна, Елена Павловна, – думал он, – ах, как все это скверно! И зачем я сошелся с вами? Собственно говоря, разве мало в мире свободных женщин? Нет, видите ли, мне понадобилась жена товарища, милого человека, друга, так сказать, детства, чтобы испортить ему жизнь, отравить существование и, может быть, толкнуть в преждевременную могилу! Ах, Елена Павловна, Елена Павловна, до чего вы меня довели! И чего вы нашли во мне хорошего? Иван Петрович был человек вот именно прекрасный, честный, прямодушный... Его жалеть бы надо, а мы с вами... Ах, – одним словом, все это одна сплошная пакость! Вспомнишь и даже печень заколет»... Лошадь Тальникова споткнулась. Андрей Егорыч едва не выпал из седла, оробел, потрепал лошадь по загривку и заговорил:

– Ну, чего ты, милая, спотыкаешься? Иди, голубка, свою дорогую! Видишь, я далее править не в состоянии!

Лошадь фыркнула, а Тальников перекосил брови. Ему вспомнилось внезапно, как хоронили Ивана Петровича. День был хмурый и скучный, и он шел за гробом рядом с Еленой Павловной, встревоженный и расстроенный. Он не плакал и только все время как-то особенно беспокоился, суетился и волновался; а Елена Павловна хныкала и по минутно нюхала нашатырный спирт. В церкви она даже упа-

ла в обморок. Андрей Егорыч пытался поднять ее и не мог; она была тяжела, и это обозлило Тальникова. «При жизни обманывала, а после смерти жалеет! – думал он в это время. – Мяса столько, что не поднимешь, а тоже в обморок падает. Небось еще притворяется». Он отчаялся поднять ее собственными средствами и позвал на помощь феноменального баса, горького пьяницу, выписанного из Томиловки специально для похорон. От попыток поднять Елену Павловну у Андрея Егорыча отекли руки, и он сердился. А Иван Петрович лежал в гробу желтый и безучастный, окружённый целыми облаками такого славного кадильного дыма. Андрей Егорыч даже позавидовал ему в ту минуту. «По крайней мере, не возится, не хлопочет, не тормозится без толку и не видит отвратительных рож», подумал он и стал торопливо креститься. Тальников вспомнил все это, и теперь на него напал уже положительный страх. «О, Господи, Боже мой, – вздыхал он, чувствуя, что его сердце колотится, как подстреленная птица. – Не надо думать об этом, иначе я захвораю. Надо постараться развлечься». Но развлечься Андрею Егорычу не удавалось; его мысли продолжали вертеться, к его сожалению, вокруг одного центра, как бабочки около огня.

Тальников въехал в село; было все так же темно, и Андрей Егорыч продолжал беспокойно вглядываться во мрак. У дороги на завалинке он услышал какой-то исступлённый храп. «Человек или собака? – подумал он, робко прислушиваясь. – Нет, собака, конечно, собака», решил затем он.

Он проехал еще несколько шагов и снова подумал, невольно прислушиваясь к храпу: «Нет, это человек, положительно человек. Небось наелся перед сном до одурения пшенной каши да еще с конопляным маслом и храпит, как повешенный. У самого-то нервы в зачаточном состоянии, а до других ему дела нет!» Тальников поморщился «...Боже мой, Боже мой, они все точно сговорились раздражать меня! Ну, чего он храпит, ну, чего он храпит, скажите, пожалуйста? Свинья, право, свинья. Наелся пшенной каши, укрылся тулупом и чувствует себя как в царствии небесном. Идиот!» Он дрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.